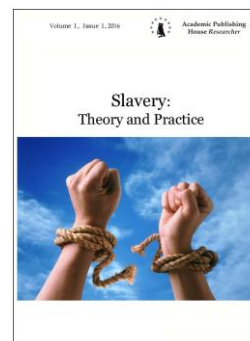

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2018, 3(1): 49-67

DOI: 10.13187/slave.2018.1.49

www.ejournal43.com

Forms of Enslavement and Sources of Slavery in Feudal Dagestan

Elena I. Inozemtseva ^{a, *}

^a Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

Basing on the data of literary and archival sources, documents of customary law of Dagestan peoples, act materials, and results of field expeditionary studies, taking into account the achievements in studying the problem by the researchers of the Caucasus of modern and contemporary times, using comparative analogies of similar forms of dependence of neighboring peoples in the North Caucasus, and without claiming to exhaustive treatment of the problem, the author of the article performs a comparative and historical analysis of the main forms of enslavement and the sources of slavery, which took place in Late Medieval Dagestan, cites various views and judgments existing in Caucasian studies on the causes and specifics of the expansion of mountainous societies of Dagestan and Georgia into adjacent territories.

Keywords: North Caucasus, Dagestan, Georgia, Iran, Turkey, Late Middle Ages, lekianoba, aperecube, monochrome, expansion of mountainous societies, slave, thrall, captive, bonded slave, criminal slave, 'homegrown (natural) bondmen', domestic slave (kul-chagar).

1. Введение

На протяжении всей истории человечества основным источником пополнения числа рабов были военнопленные. Плен оставался основным источником рабства и тогда, когда начали поработать и соплеменников. Человек, взятый в плен на войне, рассматривался как захваченное имущество и на основании права силы захвата считался рабом. Взятый в плен иноплеменник был «не свой», «чужой» человек, что позволяло приравнивать его захват к захвату скота и прочего имущества и обращать в рабство. Таким образом, акт захвата, став нормой права, приобрел юридическую силу. По римскому праву захват в плен был юридическим основанием для возникновения рабского состояния (См.: [Рабство в странах Востока в средние века, 1986: 7](#)).

Важным источником пополнения контингента рабов в средние века являлись не только войны, но и набеги феодалов в соседние области с целью захвата пленных для продажи. Работорговля, процветавшая в Средневековье, стимулировала это явление, феодальные междоусобицы подпитывали его. Немаловажными источниками этой категории лично зависимого населения являлись естественное воспроизводство рабов, долговое и уголовное рабство, а также некоторые второстепенные источники.

* Corresponding author
 E-mail addresses: ljuma78@mail.ru (E.I. Inozemtseva)

2. Материалы и методы

2.1. Материалами послужили литературные и архивные источники, памятники обычного права народов Дагестана, актовые материалы, данные экспедиционных полевых поисков в нагорном Дагестане, а также исследования отечественных и зарубежных авторов как нового, так и новейшего времени. Автор в своей статье опирался на фундаментальные труды кавказоведов Х.-М. Хашаева, Р.М. Магомедова, С.Ш. Гаджиевой, А.Р. Шихсаидова, М.А. Агларова, Б.Г. Алиева, а также на оригинальное исследование Ю.Ю. Карпова, посвященное мировоззренческим аспектам культуры и социальному опыту горцев Дагестана.

2.2. При разрешении поставленного перед автором вопроса применялись общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), а также традиционные методы исторического анализа.

3. Обсуждение и результаты

Письменные источники I тыс. н.э. донесли до нас сведения о том, что рабы в Дагестане рекрутировались в основном из военнопленных. Так, описывая ассортимент экспортируемых из Дербента товаров, ал-Истахри выделял из них рабов «из разных стран кяфиров» (*Ал-Истахри, 1903: 11*). Рабы и красивые девушки-рабыни являлись основной статьей экспорта Дербента и в те времена, и позже.

Народы Дагестана во время военных действий угоняли значительное количество военнопленных, которых затем продавали в рабство, так же как и сами становились объектом угона в рабство. Известно, что в процессе распространения ислама в Серире, Шандане, Хамзине* совершались набеги, сопровождавшиеся массовым угоном женщин и детей, скота и захватом имущества «неверных». В 739 г. Мерван, покорив Дагестан, обязал каждое владение поставлять ему определенное количество пшеницы и рабов: «от 1000 до 500 человек (Серир и Хамзин) до 100–50 человек» (См.: *Рабство в странах Востока в средние века, 1986: 431*). В хронике «Дербенд-наме», составленной на основе сведений раннесредневековой мусульманской историографии сообщается буквально следующее: «Когда наступил сто двадцатый (737/8) год Хиджры пророка, в Дербенд прибыл Мерван ибн Мухаммед... С окружающих сторон он назначил харадж*, который должен предоставляться жителям Дербенда: ежегодно Кумук должен был давать сто рабов (кул) и рабынь (караваш) и двадцать тысяч мер пшеницы. От Гюбечи назначил пятьдесят рабов (эсир). От Кайтака назначил пятьсот рабов, двадцать тысяч мер пшеницы...» (*«Дербент-наме» на языках народов Дагестана, 2012: 320*). В.Ф. Минорский подчеркивал, что дербентская аристократия поддерживала свое положение, торгуя военной добычей и военнопленными: «газии в менее благочестивые дни охотились за людьми». Дербентский эмир не только продавал, но и сам покупал рабов, из которых формировал личную гвардию (*Минорский, 1963: 48, 60, 65, 72*).

Главным источником пополнения контингента рабов в средние века были не только войны, но и набеги феодалов в соседние области, что давало большое число пленных для продажи или обращения в домашнюю прислугу.

По наблюдениям Е.Н. Кушевой, ясыри-рабы у кумыков были и русские, и мичикизские, и грузинские, и черкасские, были также и из Средней Азии – бухарские, юргенские (*Кушева, 1963: 97*). Помимо этого захватывались люди, отставшие от купеческих караванов или иностранных посольств, о чем сообщал в XVII веке Я. Стрейс (*Стрейс, 1935: 219*) и А. Олеарий. Последний во время проживания в Тарках видел там двух женщин русского происхождения, похищенных «татарами» (здесь: кумыками – Авт.), а также «старого человека по имени Матфия Махмара родом из Эттингера в Вюртембергской стране. По ремеслу он был ткач бархента, в венгерскую войну был захвачен турками, продан этим татарам и обрезан» (*Олеарий, 1906: 499, 504*). По словам Давида Бутлера, «тарковскими татарами» были захвачены пятнадцать немцев, бежавших из Астрахани от казаков Степана Разина (*Копия с письма Д. Бутлера, 1880: 125*). Согласно показаниям Матвея Андрианова, в Тарках в первой половине XVIII в. «на многих дворах имелось человек по восемь рабов» (Цит.: *Акбиев, 1998: 86*).

* Государственные образования на территории раннесредневекового Дагестана.

* Харадж – государственный поземельный налог.

Документы «Кизлярского комендантского архива» пестрят сообщениями о бегстве ясырей в «российские пределы», т.е. в Кизлярскую крепость. Так, в письме аксаевских владельцев Каплан-Гирея и Магомед-Уцмия Солтанмамутовых (4 июня 1748 г.) сообщается о том, что от них «бежали в Кизляр три холопа персияне магометанского закона...» (ЦГА РД. 57); 13 июня 1788 г. те же владельцы сообщили кизлярскому коменданту о побеге уже пятерых холопов, четверо из которых «персияне» (ЦГА РД. 74).

Армянин Иван Христофоров, захваченный в плен шамхальским сыном Хасбулатом, показал, что «с ним было ... при доме шамхальском великороссийских всяких людей человек двадцать и несколько армян и грузинов, Да и в других домах по несколько человек российских людей было...» (НА ИИАЭ. 287).

По допросной ясыря-грузина, принадлежавшего визирю шамхала Тарковского, «полоненников во владении шамхальском есть грузинцов, мелетинцов и армян человек с тысячу» (РГАДА. 11).

М.Б. Лобанов-Ростовский писал по этому поводу следующее: «Рабы, происходят или от пленных, взятых на войне, или от бедных людей, обманом вывезенных из своих деревень и проданных потом какому-нибудь кумыку, князю или узденю. Промышленность эта до сих пор (середина XIX в. – Авт.) очень деятельно производится между ними. Молодые удалцы их, рыская по соседям, чтобы выгнать, из какого табуна будет угнать лошадь или буйвола, не пропустят удобного случая украсть мальчика или девочку и даже взрослого, когда на то есть возможность» (Лобанов-Ростовский, 1846: №37).

В XVIII – начале XIX в. в связи с все более расширявшимися товарно-денежными отношениями не прекращается торговля рабами, что стимулировало пленение и захват ясырей. Междоусобицы феодалов являлись благодатной почвой для пленения людей. Захватывали ясырей, нападая на проезжих из Закавказья в Терки и Астрахань, в Кабарду, Кубань, Крым. Нападали на причалившие к каспийскому берегу корабли, грабили, а людей уводили в плен. Практиковались набеги дагестанских феодалов на закавказские владения, уводя в «полон людей, продавали их в разных местах до Согратля, Дербента, Тарки...» (Цит.: Ахмедов: 34). И. Гербер сообщал, что «лезгины* совершают грабительские набеги на мушкурцев, табасаранцев, кубинцев и шабранцев» (Гербер, 1769: 115).

Со второй половины XVI в., замечает профессор Р.М. Магомедов, два важных явления, коснувшиеся обоих народов (Грузии и Дагестана – Авт.), имели огромное значение: во-первых, волна ирано-турецкого военного соперничества и экспансии докатывается до Дагестана, во-вторых – начало «лекианобы», т.е. систематических набегов горских феодальных дружин на Грузию (Магомедов, 1986: 39). Разбои и набеги феодальных владетелей приводили к разорению селений и гибели людей; уводились в плен работоспособные мужчины и женщины, уничтожались посева, сады, жилища. Набег был фактически одноактным действием. Возглавляемые феодалами, главами общин или предводителями групп, небольшие отряды неожиданно врываются в села и также молниеносно скрываются. Но угроза набега была постоянным явлением, сковывая развитие производительных сил (Фадеев, 1960: 91).

«Междоусобная борьба феодальных владетелей в самой Грузии, – по замечанию З. Анчабадзе, – отличалась проявлением крайней жестокости и вероломства как по отношению друг к другу, так, и, главным образом, по отношению к населению княжества» (Цит.: Магомедов, 2004: 41). Сторонники шахского ставленника – кахетинского царя – занимались продажей пленных соотечественников в рабство. «Видя это, – писал Вахушти, – грузины приобщились к продаже пленных вдов и сирот и умножилось зло...» (Цит.: Магомедов, 2004: 41).

Конечно же прав Ю.Ю. Карпов, полагая неверным утверждение, что отношения горцев Дагестана с жителями Грузии и другими народами Кавказа «сводились исключительно к войне. Связи были многогранными, включавшими экономический, политический, культурный, религиозный аспекты, о чем свидетельствуют материалы специальных исследований (см.: Гасанов, 1991, Лугуев, Магомедов, 1994). В них также имелась военная составляющая, которая подразумевала в одних случаях боевое сотрудничество, в других – наем заинтересованной стороной военной силы у соседей, в-третьих – конфликты и военную

* Здесь и далее под «лезгинами» в русских источниках подразумеваются вообще горцы Дагестана.

экспансию...» (Карпов, 2007: 316). Действительно Ю.Ю. Карпов близок к истине, утверждая, что «набег давал горцу кусок масла, который, однако, тот мог положить лишь на хлеб, выращенный на собственной ниве» (Карпов, 2007: 348).

Справедливости ради следует отметить, что если набеги дагестанцев получили название «лекианоба», то аналогичные действия грузин-горцев тушин назывались «меконроба», хевсуров – «аппарекоба». Такие набеги совершали представители и других горских народов Кавказа: кистины, осетины, сваны. Т.е. набеги на Дагестан также становятся частью политики феодалов Грузии с целью захвата добычи.

В своей статье, посвященной проблеме так называемого «лекианоба» (Магомедов, 2004), автор приводит фактические данные, свидетельствующие о том, что во второй половине XVIII века на территории Грузии проживало 4000 дидойских семейств, взятых в плен на протяжении последних 100 лет, т.е. в XVII–XVIII вв. Д.М. Магомедов полагает, что в данном случае речь идет не только о дидойцах, а вообще о жителях Западного Дагестана, так как названа слишком большая цифра для одних только дидойцев. Тем не менее, она достаточно красноречива и свидетельствует о систематических набегах грузинских феодалов на территорию сопредельного Западного Дагестана, от которых также страдало его население. Безусловно, такие нападения грузинских феодалов не оставались без ответа: «Они (горцы Дагестана – Авт.) старались отомщевать за понесенные ими бедствия...», – писал грузинский царевич Давид (Цит.: Магомедов, 2004: 42).

Не отрицая общеизвестных фактов систематических набегов на Грузию, советские историки установили феодальный характер набегов, в основном провоцируемый верхушкой. Организация этих набегов, по мнению профессора Р.М. Магомедова, осуществлялась с целью отвлечь «наиболее активный и мобильный общественный элемент от его истинных врагов – феодальной верхушки, а попутно их руками обогатить эту верхушку» (Магомедов, 1986: 86).

Однако в современном кавказоведении существует и другой акцент этого явления, а именно на специфику общественного устройства горских обществ как главную причину их экспансии на соседние территории (В.М. Гамрекели; М.М. Блиев и др.). Построения этих авторов, мягко говоря, не разделяются большинством современных кавказоведов и дагестановедов и подвергаются, на наш взгляд, вполне обоснованной критике.

Вступая в острую полемику с грузинскими историками по поводу некоторых их оценок социального строя горцев Дагестана и их взаимоотношений с Грузией, Д.М. Магомедов, сетуя на тенденциозность грузинских историографов, вместе с тем подмечает, что в период царствования в Кахетии Левана в XVI веке, женатого на дочери дагестанского феодального владетеля – тарковского шамхала, по признанию Б. Вахушти «Кахетия стала богатой и страна была полна миром» (Магомедов, 2005: 171).

Следует заметить, что расположенное на южном склоне Главного Кавказского хребта на стыке между Дагестаном, Грузией и Шекинским ханством Джарское общество оказывало заметное влияние и на Дагестан, и на Грузию, и на ханства Северного Азербайджана. «Леки (горцы Дагестана – Авт.) превратили его в твердыню и прославили его в войне», – отмечал царевич Вахушти (Цит.: Дибирова, 2008: 94). Но военные предприятия джарцев с половины XVIII в. были прежде всего организованной охотой за людьми в целях работорговли или выкупа. Это были своего рода коммерческие предприятия, организуемые феодальной знатью, составлявшей для этой цели отряды из членов своих обществ и «гулдахаров»* из Дагестана. «...В набегах джарцы почти всегда участвовали вместе с другими дагестанскими союзниками» (Петрушевский, 1993: 40), – заключает И.П. Петрушевский. Как свидетельствует другой источник, «... округа Гидат, Кувал, Киль и Каранал (Гидатль, Кувал, Кель, Каралал – Авт.) служили подпоркою и убежищем джарцам при набегах и хищнических предприятиях против Кахетии, из сих ... сильнейший Гидат, который лежит на дороге, ведущей из Аварии в Тифлис, соединяя все их военные силы, они могут от 30 до 40 тыс. вооруженных в поле выставить...» (Хрисанф // ИГЭД: 269).

Во второй половине XVIII в. «грузин болшая половина в полон лезгинами побрана». «Лезгинны» старались при своих неоднократных нападениях на Карталинию «женщин

* Гулдахары – вероятно производное от грузинского слова «глаха» – бедный, убогий, нищий, худой... (см.: Карпов, 2007: 295).

хороших ловить, ибо турки и персиане великую цену им за пригожую женщину дают, так что и до 500 руб. платят», – свидетельствуют документы (Цагарели, 1897: 189).

«Всякий лезгин был вправе в Джаро-Белоканах владеть пленными, взятыми на войне и иным способом приобретенными из христиан и мусульман» (Агаян, 1956: 91). В рапорте телавского коменданта на имя главнокомандующего российскими войсками в Грузии Г. Вельяминова от 18 июля 1818 г. (ЦГИА РФ: 14) указываются населенные пункты дагестанских обществ: Акнада, Цумада, Хуштада, Саситль, Хушет, Большие Хваршини, Китури, Малые Хваршини и др., откуда и совершались набеги на Грузию.

По справедливому замечанию дагестанского историка Д.М. Магомедова, одной из причин, способствовавших засилью военных набегов дагестанцев, было стремление некоторых феодальных владетелей Грузии освободиться от гнета Ирана и Турции. Как замечает Ю. Карпов, «XVIII столетие – это период чрезвычайных смут и междоусобиц внутри Грузии, которые усугубляли Персия и Турция. Это время ломки старых границ и сфер влияний, когда, несмотря на очевидные проблемы и сложности, те или иные грузинские царства, терпя многие беды от одних политических субъектов, тем не менее, пытались сохранять собственную политическую роль в регионе и навязывали свою силу и волю третьим и т.д.» (Карпов, 2007: 322). Так Соломон, правитель Имеретии, в 1771 г. использовал «лезгин», а через некоторое время уже его политические конкуренты обратились к «лезгинам» для борьбы с ним самим. «Лезгины», как «неглупые» люди, внутренние распри властителей провинций Грузии старались использовать в своих интересах, т.е. совершали нападения и грабежи (Карпов, 2007: 332). «...Соседи (грузины – Авт.) были вынуждены их нанимать для защиты границ от покушений их же соотечественников, а прочие владетели, ханы персидские и турецкие паши, для защиты своей независимости и безопасности. Так, ханы Ширванский и Ганджинский, владетель Мингрелии, цари Имеретинский и Грузинский, содержали, смотря по своим средствам, более или менее лезгинов, которые охотно предлагали свои услуги тому, кто щедрее им платил» (Неверовский, 1848: 8).

Практика наема феодальными правителями Закавказья горцев в качестве военной силы для решения внутренних и внешнеполитических задач существовала издавна и сохранялась до начала XIX в. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что так называемые «наклонности лезгин» к грабежу провоцировали турки, «которые через своего пашу в Ахалцихе в Верхней Картели побуждают их к этому, обращая им добычу в деньги, также частью еще за это платя жалованье» (Цит.: Карпов, 2007: 321).

«Сильный феодал в борьбе со своим царем (ставленником Ирана), – пишет З. Авалов, – легко мог найти поддержку извне... Его поддержит кто-либо из соседних ханов... к услугам его «полудикие кланы Дагестана», охотно занимающиеся набегам, добычей рабов, службой деньгами» (Цит.: Магомедов, 2004: 43). «Кроме природных имеретинцев доставать можно всегда за деньги, – сообщал А.А. Цагарели, – военных людей лезгинцев и осетинцев до 4000 и более» (Цагарели, 1897: 30).

В 40–50-х гг. XVIII в. в Грузии усилилась междоусобная борьба феодальных владетелей. В этот период по приглашению противоборствующих сторон на территорию Восточной Грузии вторгались ополчения горцев Дагестана, «состав коих исчислялся в 3000, 7000, 8000, 12000 человек» (Цит.: Магомедов, 2004: 43). По сведениям А.И. Коцебу число ополченцев в «партиях», выходящих «на грабежи» в Грузию, могло простирается до 30 тысяч человек вооруженных (Коцебу, 1958: 256).

Набеги, организованные аварскими ханами и беками, практиковались вплоть до XIX в. Верхушка «вольных» обществ, стремясь умножить свои богатства, присоединялась к набегам. «Основными источниками возникновения зависимых людей в Карате были войны и набеги, участниками которых часто выступали каратинцы», – считает Д.М. Магомедов. Это были, прежде всего, военнопленные, которые, начиная с конца XV века, особенно в XVI–XVIII вв., появились в горном Дагестане». Большинство военнопленных поставлялись из Грузии. Лагами становились позже русские военнопленные, захваченные в ходе Кавказской войны. Как полагает Д.М. Магомедов, и с ним следует согласиться, сложившиеся взаимоотношения между народами Дагестана и Закавказья в XVI–XVIII вв. сыграли важную роль в имущественном и социальном расслоении обществ Западного Дагестана. «В Анди

некоторые жители... богатели от торга людьми-пленниками», – свидетельствует документ (Цит.: Магомедов, 1981: 40).

По рассказам старожиллов Аварии, писал Ш.М. Ахмедов, для захвата ясырей организовывались отряды, которые в набегах захватывали мужчин, женщин, маленьких детей, а также стада баранов и лошадей. Возвращение из набега в селениях отмечали особым празднеством. Так, участвовавших в подобных предприятиях гидатлинцев называли героями (бахарзал) и устраивали для них пиры и танцы (Ахмедов: 25). Со временем даже выработался определенный обычай встречи возвращавшихся из набега (шадлых). Население встречало «удальцов» у въезда в селение с песнями, пальбой и криками поощрения.

Жажда славы, заслуженной в набеге, была для горцев предпочтительнее экономической выгоды. Желание прославиться своей удачью представляло для них лучшую награду. Поэтому в фольклоре народов Северо-Восточного Кавказа сюжет набега и добычи фигурирует довольно часто (См.: Ахлаков, 1968: 69; Далгат, 1972: 116–117; Антология чечено-ингушской поэзии, 1981: 10).

Участники набегов делили добычу между собой, включая и пленных, которых превращали в лагов. Они могли их продать, подарить, держать в доме и на хуторе. Большинство пленных оседало у ханов и беков, у общинной верхушки и богатых узденей. Духовенство тоже участвовало в дележе добычи (Ахмедов: 35). Некоторые его представители были богатыми землевладельцами и в значительном количестве имели рабов (Данялов, 1970: 44).

При всех этих свидетельствах, важнее отметить, что не следует чрезмерно преувеличивать значение «профессионального разбоя» на Кавказе. Ведь даже имевшиеся в распоряжении ученых конца XIX века весьма неполные источники с высокой долей вероятности отчетливо свидетельствуют о том, что «хищнические набеги» отнюдь не являлись основным источником существования местных жителей. На это обстоятельство указывали еще дореволюционные кавказоведы. В частности, И. Пантюхов отмечал: «Не будучи знакомы с внутренней жизнью лезгин, но зная их только как смелых грабителей, летописцы и историки... считали лезгин дикарями и разбойниками. Правильная внутренняя организация лезгинских общин, честность взаимных отношений и оседлая земледельческая культура не дают, однако, основания считать лезгин дикарями. Главные средства к существованию лезгинам всегда давали не разбой, а земледелие и скотоводство» (Цит.: Бобровников, 2000: 19–46).

Несостоятельность оценки горцев Кавказа как профессиональных разбойников окончательно показали исследования историков и этнографов, в частности Дагестана, советского времени. В ходе интенсивных полевых и архивных изысканий доказано, что основой существования горского общества являлось многоотраслевое земледельческо-скотоводческое хозяйство. Набеги же носили скорее спорадический характер. К сожалению, тенденция преувеличивать значение разбоя в традиционном горском обществе процветала в кавказоведении советского периода в форме господствовавшей марксистской парадигмы особенностей «горского феодализма», основанного на «экономике набега». В 80-е годы XX в. возродить это толкование попытался осетинский историк М.М. Блиев, который видит в абречестве и в набегах горцев «экспансию отсталых скотоводческих племен», стоящих на первобытной стадии «военной демократии» против более цивилизованных земледельческих жителей равнины (См.: Бобровников, 2000: 20–22).

Нельзя не заметить и появившиеся «перепевки» этих «построений» в новейшей кавказоведческой историографии (См.: Абдуллаев, 2011: 501–505). Причем, базируясь в основном на дореволюционных трудах отечественной и советской грузинской историографии, в этих работах абсолютно игнорируются фундаментальные исследования известных дагестановедов (Агларов, 1988; Алиев, 1999 и др.).

Для сравнения приведем некоторые данные по сопредельным северокавказским народам: По наблюдениям Г.А. Кокиева на Северном Кавказе хищением людей с определенной целью занимались кабардинцы, чеченцы, ингуши, осетины. Похищение не только не осуждалось общественным мнением, но наоборот, считалось удальством. Так, в одной кабардинской легенде говорилось: «Тот не джигит, кто после ночного похода не пригонит в горы пленного гяура с петлей на шее, или не приведет в свой гарем круглолицей

калмычки или большеглазой высокогрудой уруски. Таких презирал не только родной аул, от них всюду отворачивались и горные красавицы» (Цит.: [Клычников, Цыбульникова, 2011: 48](#)). Собирались группы молодых «удальцов», которые отправлялись «воровать людей у соседнего народа или рода своего же племени». По древнему обычаю похищенному пленнику вкладывали в рот кусок дерева в виде катушки, сквозь который продевался шнур, концы которого завязывались на затылке. Таким образом, пленник был лишен возможности говорить и «поручить себя кому-нибудь». Существовал у горцев региона священный обычай, следуя которому, если пленник поручал себя даже первому встречному, он «должен был или освободить пленника, или умереть» ([Кокиев, 2005: 45](#)).

По словам С. Броневского, захватив добычу, горцы стремились ее побыстрее увезти в глубь своих земель. Пленнику «завязывают глаза и, посадив на лошадь, возят взад и вперед по горам и лесам, но не вдруг привозят до назначенного места, дабы рассеявши таким образом внимание пленника, отнять у него все способы к побегу. Ежели пленник, значащий или зажиточный человек, офицер, купец, словом такой, за которого они могут получить большой выкуп, то приковывают его за шею, за ногу и за руку к стене, худо кормят, не дают спать и потом через несколько дней приносят перо и чернила и приказывают ему писать ... письма с объявлением назначенной выкупной цены». Если поступал ответ, подтверждающий готовность внести требуемую сумму за освобождение, отношение к невольнику кардинально менялось, его начинали лучше кормить и заботиться о его здоровье ([Броневский, 1823: 179–181](#)). Показательны в этом плане воспоминания российского разведчика Ф.Ф. Торнау, попавшего в 1836 г. в плен, который впоследствии писал, что захвативший его черкес «не имея иногда чем кормить жену и детей, он в моем выкупе видел последнее средство поправить свое бедственное положение. Моя смерть или бегство угрожало ему окончательным разорением. Поэтому он ухаживал за мною, как мать за своим ребенком, когда надежды его на выкуп начинали возрастать, и подвергал меня нестерпимым мучениям, когда они исчезали» ([Секретная миссия в Черкесию, 1999: 295](#)).

Горцы держали своих пленников в каменных мешках под боевыми башнями до определенного срока, в продолжении которого родственники могли их выкупить. Если пленник, по несостоятельности родственников или по какой-либо другой причине не выкупался к сроку, его продавали желающим. Для похитителя было выгоднее, если пленника выкупали родственники, потому что выкупная цена была значительно выше продажной.

В «Докладной записке начальника Дагестанской области Главнокомандующему Кавказской армией кн. Барятинскому» от 30 марта 1861 г. сообщается буквально следующее: класс рабов «образовался большею частью из пленных христиан, захваченных в хищнических набегах и находится в самом унижительном состоянии, какое только можно создать для человека. Рабы и рабыни считаются принадлежностью владельцев своих как и всякое другое домашнее животное, с которым хозяин вправе поступить как он хочет. Их личность ограждается одним только интересом владельцев и они берегут невольников своих ...потому, что, лишившись раба, понесут материальный ущерб...» ([ЦГА РД: 1](#)).

Судя по архивным источникам, подавляющее большинство рабов было немусульманского происхождения или из мусульман-шиитов (кьул-къажар, т.е. «раб-перс») ([ЦГА РД: 24](#)). Причина этого обстоятельства, видимо, скрывалась в том, что, согласно предписаниям Ислама, единоверец-мусульманин не мог быть обращен в рабство. Однако не всегда это предписание бралось в расчет, в некоторых случаях им пренебрегали.

«Грузины, армяне, мингрелы, – свидетельствовал С. Броневский, – составляют большее число сих пленников. Однако бывают между ними магометане и горские жители, захватываемые по случаю междоусобных распрей в барамту (обычай захвата скота или имущества обидчика до возмещения убытка – Авт.) или продаваемые родителями от бедности» ([Броневский, 1823: 286](#)).

В мемуарах одного из кавказских офицеров был описан гарем тарковского шамхала, у которого «... находилось 12 жен и до 100 наложниц: грузинок, черкешенок, армянок, жидовок и персиянок. ... Азиатцы, считая этих дев товаром, не слишком с ними церемонятся» (Цит.: [Клычников, Цыбульникова, 2011: 48](#)).

В письме эндирейских владельцев Темира Хамзина и Баммата Айдемирова кизлярскому коменданту Н.А. Потапову (декабря 1764 г.) сообщается, что аксаевские беки

украли у них скот и умыкнули их холопов, а также эндирейских узденей, которых продали в рабство. Этот документ красноречиво свидетельствует нам о многом. Во-первых о характерной для феодального общества междоусобице. Во-вторых, тот факт, что аксаевские беки, украв узденей – людей вольных, имеющих достаточно высокий для дагестанского общества статус, и продав их, попрали непререкаемый запрет – не превращать единоверца-мусульманина в раба (См.: [Гаджиева, 2000: 206](#)).

С.Ш. Гаджиева в своем труде, посвященном историческому прошлому кумыков, говоря о подобных нарушениях предписаний Корана, утверждает, что нередко в рабы попадали представители свободного происхождения и даже переходили от одного владельца к другому. При этом она приводит архивные данные, свидетельствующие, что в 1850 г. сын Абдул-Муслима шамхала Тарковского продал жителю сел. Аксай беременную женщину Рукият свободного происхождения, обвинив ее в плохом поведении, за две лошади стоимостью 100 руб. сер. Ее хозяин, оставив себе «приплод», отдал рабыню своей сестре, муж которой обратил ее в наложницы. После этого она была продана в Малую Кабарду Ахеминову. Последний так же продал ее другому кабардинцу Афунову Айсе, который освободил ее в 1867 г. за 200 руб. сер. ([Гаджиева, 2000: 206](#)).

Вторым равноправным по значимости источником пополнения числа рабов в странах средневекового Востока было их естественное воспроизводство. Рабское состояние было наследственным. Потомок раба мог стать только рабом. Хозяева заботились о воспроизводстве рабов так же, как заботились о размножении скота. «Приравнение положения рабов, в особенности рабынь, к положению скота – характерная черта рабовладения и его оформления в праве в странах средневекового Востока ([Рабство в странах Востока в средние века, 1986: 7](#)). Правило, гласящее, что приплод принадлежит тому, кому принадлежит мать, равно распространялось как на скот, так и на рабов. Собственно это был общий для Средневековья порядок. «Плод от челяди (рабыни) подобно тому, как и плод от скота, является собственностью господина, передаваемой по наследству» ([Новосельцев, 1972: 171](#)). В Киевской Руси ребенок от рабыни приравнивался к плоду от скота: челядь тем только и отличалась от скота, что могла лишь говорить, – пишет И.Я. Фроянов ([Фроянов, 1965: 91](#)). На Ближнем Востоке дети от брака раба со свободной рассматривались как рабы. А женщина, вышедшая замуж за раба, сама становилась рабыней, если не внимала троекратным предостережениям хозяина этого раба ([Рабство в странах Востока в средние века, 1986: 8](#)).

В Дагестане за рабами официально не признавалось право иметь семью. Однако на практике владельцы, заинтересованные в увеличении «живого товара», поощряли внебрачные связи рабов. Иногда владельцы сами определяли, какая рабыня с каким рабом должна вступить в связь. Родившиеся в результате дети, так же как и их родители, принадлежали владельцам, – пишет Х.Х. Рамазанов (См.: [Рамазанов, 1961: 159](#)).

В Дагестане по адату дети невольницы, даже рожденные от брака со свободным, также обращались в рабство того же владельца, кому принадлежала мать. В опубликованных С.Ш. Гаджиевой архивных данных 1861 г. сообщается о злоключениях такой семьи из сел. Кумторкала, человека свободного сословия по имени Янгкурчу, его жены рабыни Манна и семи их детей. После смерти мужа ее хозяйка Меседи-бийке, собираясь вернуться в родной аул, потребовала, чтобы принадлежавшие ей рабы последовали за ней. Янгкурчу стал просить, чтобы его семью оставили бы в Кумторкала. Однако хозяйка его жену-рабыню и семерых детей насильно отправила в Эндирей. Сколько не обращался несчастный отец к российским властям за помощью, дело было решено в пользу владелицы (См.: [Гаджиева, 2000: 207–208](#)). Таких рабов называли в русских документах «домородными» или «природными» холопами.

Домашние рабыни «унаутки» в Кабарде не имели семейных прав и не могли без согласия феодалов вступать в брак. Они могли взять себе временного мужа из унаутов и других категорий зависимых крестьян. Дети, рожденные от этих браков воспитывались и находились при матерях, причислялись к унаутам и распоряжался ими только феодал, – писал Г.А. Кокиев ([Кокиев, 2005: 139](#)). Они обычно служили предметом торговли ([Кумыков, 1959: 77](#)).

Следует заметить, что в документах чаще всего как основная добыча набегов и военных акций в Средневековье упомянуты женщины и девушки. Стремление захватить в неволю

прежде всего женщин явно указывает на домашний характер рабства или, во всяком случае, на преобладание домашнего рабства, которое представляло собой разновидность патриархального рабства. Попав в неволю, женщины тем самым оказывались в системе семейных отношений своего владельца и в системе хозяйственной деятельности его семьи.

Дагестанские историки, основываясь на письменных источниках, четко прослеживают со второй половины I тыс. н.э. еще один источник рабства – обращение свободных общинников в рабов. Согласно Масуди, например, правители Сарира могли любого свободного общинника превратить в раба (См.: [Ахмедов: 23](#)). Здесь речь уже идет не о рабах, приобретенных различными путями извне, а о появлении в результате внутреннего развития общества института зависимых лиц, продажа которых стала привилегией феодальной верхушки ([Атаев, 1963: 195](#)).

Некоторые нормы обычного права дагестанских народов позволяют реконструировать формы обращения свободных в рабов. Так, в адатах дагестанских народов сказано, что «при несостоятельности должника последний отдается сельским судом на работы и заработанные деньги поступают его кредиторам» ([Адаты Дагестанской области и Закатальского округа, 1899: 428](#)). При удачном стечении обстоятельств должник попадал во временную кабалу. В противном случае превращался в кабального раба, попадая в так называемое долговое рабство. Кабальный раб мог выкупиться, заплатив долг, что случалось не часто. В уголовное рабство попадали воры, кровники и другие преступники и нарушители. На некоторых налагались высокие судебные штрафы, или они должны были возместить ущерб пострадавшему. Как писал М.М. Ковалевский «эти два источника рабства известны были издревле и дагестанским горцам» ([Ковалевский, 1890: 226](#)). Так, например, у засулакских кумыков за воровство имущества князя виновный платил в десять раз больше стоимости краденного; в случае же, если виновный «оказывался не в состоянии выплатить в десять раз больше, то поступал к князю в рабство» ([Дело по поводу определения сословных прав ...: 153](#)).

По данным Б.Г. Алиева и А.О. Муртазаева, «характерны они были и даргинцам. Так, в Мугинском обществе находился ряд рабских тухумов, образовавшихся как из пленных, так и из обедневших членов джамаата. Среди них тухум «Арутихъали» находился в подчинении тухума «Галг/ялабулкьадархъали», который с первого получал оброк» ([Алиев, Муртазаев, 2008: 155](#)).

В Цудахарском обществе, согласно данным полевых исследований, были известны рабские тухумы: Саркихъали, Даржахъали, Курех/хъали, Маликахъали, Гургихъали; в Акушинском обществе – Кабачайхъали, Г/яммайхъали и т.д. Как видно, названия этих тухумов связаны не только с закавказскими христианскими именами, как армянское Саркис, грузинское Георгий, но и с местными. Располагались эти тухумы на краю селения Цудахар, в местности под названием «Ц/илиддар» ([Полевой материал, 1963: 375](#)).

Другим источником уголовного рабства в Дагестане был обычай превращения кровников (канлы) в рабов. В архивных документах конца XVIII в. фиксируется множество сведений, сообщающих о том, как кровники из Дагестана, чтобы избежать мести или продажи в рабство, назывались христианами, прося защиты у кизлярского коменданта. В Присулакском наместстве за убийство бека узденем вместе с убийцей выходили в канлы шесть ближайших родственников его и при примирении убийца должен был служить родственникам убитого как кул (раб) ([Управление жителей Присулакского наместства: 42](#)).

О том, что неплатежеспособных должников и кровников превращали в Дагестане в рабов свидетельствуют и другие документы ЦГА РД. Нам кажутся небезынтересными данные архива, сообщающие о том, что «френк» по имени Афраам задолжал эндирейскому жителю Джанакаю 40 туманов. Он в свое время подписал долговое обязательство, что вернет деньги через 101 день, в противном случае Афраам должен был стать ясырем Джанакая, что в конце концов и случилось ([ЦГА РД: 51](#)).

В Северном Табасаране при похищении девушки ее родственники преследовали похитителя вместе с похищенной. Если при преследовании похищенная «вбежала в дом бека, то она поступала в вечные рабыни бека, который распоряжался ею по своему усмотрению» ([Адаты Дагестанской области и Закатальского округа, 1899: 550](#)).

Приобретались рабы и путем покупки. В 1633 г. в челобитной посла шамхала Тарковского Томулдука царю Михаилу Федоровичу говорится о разрешении купить для

шамхала в Астрахани рабов. «И государь де жаловал, позволил ему в Астрахани купить на Ильдар-шамхала татарского ясыря 15 человек» (Русско-дагестанские отношения..., 1958: 103).

В том же 1633 г. в грамоте Посольского приказа в Терский город говорится о том, что Томулдук купил двух рабов черкесского происхождения (мужа и жену), дав «за них 30 руб. и свез с собою в Кумыки» (Русско-дагестанские отношения..., 1958: 110).

В одном из архивных документов сообщается о покупке в 1864 г. узденем из Эндирея Кандауровым Мутаем в Кубанской области 9 чел. рабов и рабынь. При себе он решил оставить трех, а остальных собирался выгодно перепродать (См.: Гаджиева, 2000: 206). В другом документе сообщается о том, что эндиреевские работорговцы вывезли оттуда же 50 чел. рабов, приобретенных по разным ценам: 35, 50, 90, 100 руб., предполагая их перепродать за 100–200 руб. каждого (Гаджиева, 2000: 207).

А. Акбиев выделяет еще один источник или способ приобретения рабов, ссылаясь на данные Кизлярского комендантского архива (Акбиев, 2000: 113). Как уже указывалось выше, ясырям удавалось иногда убежать от своего хозяина в Кизляр. По существовавшим правилам, если бежавший был христианин, то кизлярские власти выплачивали хозяину, если он заявлял о его побеге, компенсацию, для чего в распоряжении кизлярского коменданта имелась определенная денежная сумма. Ясыря-мусульманина полагалось возвращать хозяину как его собственность. По наблюдениям А.С. Акбиева, во второй половине XVIII в. такие побегии особенно участились. Возможно у российской администрации в Кизляре не хватало на эти расходы имевшихся в их распоряжении «казенных» денег и это обстоятельство способствовало появлению новой формы приобретения ясырей для кумыкских владельцев и узденей, которые на определенных договорных условиях могли выкупить на определенное время того или иного ясыря у его бывших хозяев. Эта форма договора подробно освещается в приведенном А.С. Акбиевым архивном документе – письме эндирейского бека Муртазали Аджи Чопанова кизлярскому коменданту Н.А. Потапову от 30 апреля 1764 г. В нем сообщается, что уздень Джанакай выкупил одного ясыря по имени Али на том условии, что последний будет работать на него в течение 10 лет. «И дал оной ясырь оному Джанакаю от себя при свидетелях письмо на татарском диалекте, и обещал оной ясырь, ежели де я паче чаяния от хозяина буду бежать, то должен я без всяких отговорок оные деньги заплатить» (ЦГА РД: 41; Акбиев, 2000: 118). К письму была приложена расписка ясыря Али «родом кажаренина (т.е. азербайджанца – Авт.), которую подписал и «печать свою приложил» эндирейский кадий Кебек. Здесь же имелись отпечатки пальцев семи свидетелей данного договора (ЦГА РД: 41; Акбиев, 2000: 118).

С.Ш. Гаджиева в своем труде упоминает еще один источник поступления домашних рабов «кул-чагар» в распоряжение кумыкских владельцев – шамхалов, князей и беков, а именно: в качестве приданного кабардинских княгинь, вышедших замуж в Дагестан (Гаджиева, 2000: 198). Категория домашних рабов в Кабарде под названием «михифатц» пополнялась женщинами и девушками, которых князь отдавал в приданное своей дочери или сестре, когда те выходили замуж. «Михифатц» неотлучно находились при своей госпоже, всюду сопровождая и прислуживая ей. Госпожа обязана была выдать свою рабыню замуж за раба. Дети «михифатц» пополняли ряды домашних рабов княгини (См.: Кокиев, 2005: 212). Так, вдова одного из кумторкалинских беков Меседибике, выходя замуж в 1861 г. получила от своих племянников в приданое 9 рабов (См.: Гаджиева, 2000: 207–208). Дарение рабов и передача их в приданном и по завещанию так же имели место в Дагестане и являлись, своего рода, источниками пополнения этой категории лично зависимого населения у того или иного собственника (ЦГА РД: 155).

В Дагестане также существовала отдельная категория или сословная группа под названием казаки (къзакълар). По определению Н.Ф. Дубровина это свободные люди, служившие за плату князю или узденю: «Слово это выражает понятие о человеке, хотя и живущем в своем доме, но одиноком, свободном, безземельном» (Дубровин, 1871: 630). С.Ш. Гаджиева указывала, что история образования этой категории очень сложна и пока еще не изучена. Вместе с тем она, основываясь на анализе письменных источников, памятников фольклора и, особенно, так называемых «къзакъл йырлар» (песен о казаках), полагает, что образование этой социальной прослойки неразрывно связано с историей классовой борьбы и расслоением кумыкского общества (Гаджиева, 2000: 210; См.: Алиев, 2009: 187).

Казаками у кумыков назывались прежде всего лица, не имевшие никакого имущества, совершившие какой-нибудь акт против социальной несправедливости (убийство, поджог имения, оскорбление феодалов или членов их семьи), вынуждены были покинуть землю своего владельца и скрываться от преследования, либо переходили к другому владельцу, прося у него покровительства. Феодалы междуусобицы способствовали тому, что владельцы были заинтересованы принять на службу беглых крестьян, особенно отличившихся своей храбростью, надеясь использовать их пассионарность в своих интересах. По свидетельству фольклора, казаки жили в тяжелых условиях, как и рабы, они выполняли любую работу безотказно. Взяв к себе казака, новый владелец должен был охранять его от преследования со стороны бывшего хозяина. «Недаром у кумыков, – писала С.Ш. Гаджиева, – существовали пословицы «къазакъ ятыв къанлы оylum» (жизнь казака подобна смерти в изгнании) или «къазакъ ятыв къавургъамны къатдыргъан» (от казацкой постели отлежали бока)» (Цит.: Гаджиева, 2000: 211).

Казаки не имели семьи, жили одиноко. Феодалы использовали их в походах, в набеггах, посылали по различным поручениям, помимо обычной работы при домах хозяина.

Следует заметить, что по своему экономическому и юридическому положению казаки делились на две группы: къанлы къазакъ и тургъак къазак. В то время как первые (кровники) находились в особенно тяжелых условиях, вторые могли выйти в нукеры, получить от владельца землю, имущество, стать сборщиком податей и т.п. (Гаджиева, 2000: 210; Алиев, 2009: 187).

С начала XIX века, когда постепенно с развитием капиталистических отношений усиливается процесс расслоения в кумыкской деревне, казаки становятся батраками, которые, не имея своей земли и своего хозяйства, работают на богатых, на сельскую буржуазию, нередко ведя нищенский образ жизни (Гаджиева, 2000: 210; Алиев, 2009: 187).

Казаки имелись и у других народов Дагестана, в феодалных владениях Нагорного Дагестана и союзах сельских общин. Это те же самые безземельные, что и в Кумыкии. Однако у других народов Дагестана в отличие от кумыков под термином казак (къазакъ) была известна не только безземельная группа крестьянства. Согласно собранным Б.Г. Алиевым материалам (Полевой материал, собранный Б.Г. Алиевым, 1963: 375), часто казаками называли и рабов, и вообще людей, работающих на других. Безусловно, казаки и в горах находились в самом приниженном положении и с ними не вступали в родственные связи. Сам термин «казак» в горах применялся к людям неравного положения в обществе. Но, к сожалению, ни сам термин, ни юридическое положение казаков не нашли отражения в адатах горцев. Это, по мнению Б.Г. Алиева, еще раз наталкивает на мысль, что в основном под казаками в изучаемое время имелись в виду рабы и приравненные к ним другие социальные прослойки, вынужденные в силу своей экономической беспомощности находиться в услужении у других, работать на владельцев средств производства.

По данным Д.М. Магомедова* в Западном Дагестане, за исключением Дидо и Антль-Ратль, зависимое сословие было известно под термином «хазах». До сих пор не удалось установить этимологию этого термина. Как отмечает Д.М. Магомедов, не всегда «лаг-хазах» оставался в зависимом положении. Полевые исследования показали, что в некоторых обществах представители этой социальной прослойки, в силу своих личных качеств, выбивались «в люди», сосредотачивая в своих руках большое количество скота, а также земли. По имеющимся сведениям этим же термином, только в несколько иной транскрипции или в ином звучании, обозначались рабы в Осетии. «Косаги или рабы, находились на самой низкой ступени социальной лестницы Осетии», – писал Г.А. Кокиев (Кокиев, 2005: 129). Люди этой категории со всем своим потомством находились в полной зависимости от феодала, имевшего над ними неограниченную власть. Никаких прав на землю они не имели. У осетин не было обычая освобождать холопов-косагов. Пути пополнения этой категории зависимого сословия были те же, что и у других народов: пленение, покупка, передача по наследству и т.п.

Если провести некоторые аналогии, то рабство у вайнахов возникло в общих чертах так же, как и у других горских народов Северного Кавказа. Основным источником рабства так

* Данные полевых материалов из личного архива любезно были предоставлены нам к. ист. н. Д.М. Магомедовым.

же, как и у других народов региона, здесь был захват военнопленных, похищение людей, закабаление должника, купля-продажа бедных соплеменников. По мнению М. Мамакаева: «сначала рабовладение в Чечне ограничивается военнопленными, но постепенно, принимая довольно широкий характер, распространяется на местное население... пленение и продажа людей здесь было довольно развитым ремеслом. Чаще всего дарили и продавали сирот, детей и вообще слабых и незащищенных людей» (Цит.: [Хасбулатов, 2001: 67](#)).

У. Лаудаев в 70-е гг. XIX в. писал, что чеченцы «тайно похищали или силой уводили слабых людей соседних племен и своих соотечественников и продавали их за деньги... Частые неурожаи... заставляли некоторых во избежание голодной смерти целого семейства продавать или менять на хлеб одного сочлена, дабы этой мерой спасти остальных от смерти...» ([Лаудаев, 1871: 14](#)).

Другой автор 60-х гг. XIX в. пишет, что в горной Чечне класс рабов «возник тем особым путем, каким обыкновенно возникает рабство у всех нецивилизованных народов, т.е. путем войны и права сильного. Рабы, весьма впрочем немногочисленные, были здесь исключительно одни лишь пленные грузины из Кахетии, тушины и отчасти русские». Относительно плоскостных чеченцев он писал, что «у чеченцев класс рабов однако ж был, хотя и в меньшем объеме, нежели у кумыков и кабардинцев» (Цит.: [Хасбулатов, 2001: 68](#)).

По свидетельству Э. Спенсера: «Черкес мудро предпочитает более выгодную форму обращения в рабство: рабы обычно работают в сельском хозяйстве или ухаживают за мелким и крупным рогатым скотом... Когда число рабов или пленных превышает необходимое для дома, их продают туркам или персам и т.к. черкесы постоянно обращаются [с пленниками] по доброму, будучи заинтересованными, нельзя не радоваться этой корыстной гуманности, которая вынуждала их сохранить жизни тех пленных, которые могут попасть в их руки, вместо того, чтобы хладнокровно принести их в жертву, как это иногда делается даже цивилизованными народами» (Цит.: [Виноградов, Клычников, 2001: 48](#)). Этот промысел приносил большие барыши и лишних ясырей естественно не могло быть, т.к. большой спрос диктовал предложения.

4. Заключение

Подводя итог вышеприведенному материалу, следует подчеркнуть что в феодальном Дагестане, как и у других народов, внешний источник рабства был основным и главным. Феодальными владельцами организовывались, в сущности, коммерческие мероприятия – охота за людьми с целью работорговли или выкупа. Множество литературных и архивных источников XVII – первой половины XIX в. предоставляют многочисленные факты, свидетельствующие о процветании на Северо-Восточном Кавказе этого жестокого, но прибыльного «промысла».

Рабское состояние было наследственным и их естественное воспроизводство также было значимым источником пополнения этой категории зависимого населения. Примеры многочисленны и достаточно красноречивы. Адамы дагестанских народов позволяют реконструировать и формы обращения свободных в рабское состояние, как то: долговое рабство, обычай превращения кровников (канлы) в рабство и др.

Литература

[Абдуллаев, 2011](#) – *Абдуллаев М.А.* Вольные общества Дагестана и их набеги // Наука и образование в Чеченской республике: состояние и перспективы развития. Грозный, 2011. С. 501–505.

[Агаян, 1956](#) – *Агаян Ц.П.* Крестьянская реформа в Азербайджане в 1870 году. Баку: Изд-во АН Азербайдж. ССР, 1956. 403 с.

[Агларов, 1988](#) – *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (исследование взаимоотношений форм хозяйства, социальных структур и этноса). М.: Наука, 1988. 237 с.

[Адамы Дагестанской области, 1899](#) – Адамы Дагестанской области и Закатальского округа: Судостроительство и судопроизводство в частях Кавказского края военно-народного управления. / Под ред. И.Я. Сандрыгайло. Тифлис: тип. канцелярии главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1899. 622 с.

- Акбиев, 1998** – Акбиев А.С. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1998. 154 с.
- Акбиев, 2000** – Акбиев А.С. Общественный строй кумыков: в XVII–XVIII вв. Махачкала, 2000. 507 с.
- Алиев, 1999** – Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (экономика, земельные и социальные отношения, структура власти. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1999. 339 с.
- Алиев, 2009** – Алиев Б.Г. Крестьянство Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2009. 414 с.
- Алиев, Муртазаев, 2008** – Алиев Б.Г., Муртазаев А.О. Федерация союзов сельских общин Акуша-Дарго в XVII – первой половине XIX в. Вопросы социально-экономической и политической истории. Махачкала: Эпоха, 2008. 400 с.
- Ал-Истахри, 1901** – Ал-Истахри. Сведения арабских писателей о Кавказе Армении и Азербайджане. I. Ал-Истахрий. Пер. Н. Караулова // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1901. Т. XXIX.
- Антология чечено-ингушской поэзии, 1981** – Антология чечено-ингушской поэзии. Грозный: Чечено-ингушское книжное изд-во, 1981. 463 с.
- Атаев, 1963** – Атаев Д.М. Основные итоги историко-археологического изучения средневековой Аварии // Ученые записки Института истории, языка, литературы. Махачкала, 1963. Т. XI. С. 186–199.
- Ахлаков, 1968** – Ахлаков А.А. Героико-исторические песни аварцев. Махачкала, 1968. 225 с.
- Ахмедов Ш.М.** – Ахмедов Ш.М. Рабство в Дагестане // Научный архив Института истории, археологии и этнографии (Далее – НА ИИАЭ). Ф. 3. Оп. 2. Д. 287.
- Бобровнико, 2000** – Бобровников В. Абреки и государство. Культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии (*Acta Eurasica*): Независимый ежеквартальный научный журнал / Под ред. С.А. Панарина. М., 2000. 1(8). С. 19–46.
- Броневский, 1823** – Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. II. 485 с.
- Виноградов, Клычников, 2001** – Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. К проблеме контрабанды и «пленопродавства» на Кавказе в XIX в. // Вопросы северокавказской истории: Сб. научн. статей. Армавир, 2001. Вып. 6. Ч. 1. С. 45–50.
- Гаджиева, 2000** – Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историческое прошлое. Культура. Быт. Махачкала, 2005. Кн. 1. 436.
- Гасанов, 1991** – Гасанов М.Р. Исторические связи Дагестана и Грузии. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1991. 101 с.
- Гербер, 1760** – Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курюю народах и землях и об их состоянии в 1728 г. // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. 496 с.
- Далгат, 1972** – Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты. М.: Наука, 1972. 470 с.
- Даниялов, 1970** – Даниялов Г.Д. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. Махачкала: ДагФАН СССР, 1970. 291 с.
- Дело по поводу определения сословных прав** – Дело по поводу определения сословных прав туземного населения Терской и Кубанской областей // НА ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1300. Л. 153.
- «Дербенд-наме» на языках народов Дагестана** – «Дербенд-наме» на языках народов Дагестана: тексты и комментарии / [Под общей ред. Г.М.-Р. Оразаева; составитель Д.М. Маламагомедов]. Махачкала: Мавраевъ, 2012. 407 с.
- Дибирова, 2008** – Дибирова А.И. Взаимоотношения Дагестана и Грузии в XVIII – начале XIX века. М., 2008. 195 с.
- Дубровин, 1871** – Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб.:Тип. Департамента уделов, 1871. Кн. 1. Т. 1. 656 с.
- Карпов, 2007** – Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб., Петербургское востоковедение, 2007. 691 с.

- Клычников, Цыбулькинова, 2011** – *Клычников Ю.Ю., Цыбулькинова А.А.* «Так буйную вольность законы теснят...»: Борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки). Пятигорск–Армавир–Славянск на-Кубани: РИА-КМВ, 2011. 255 с.: ил., портр., табл., цв. ил.
- Ковалевский, 1890** – *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко., 1890. Т. 1. 303 с.
- Кокиев, 2005** – *Кокиев Г.А.* К истории работорговли на Северном Кавказе (исторический набросок) // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева: Сб. статей и документов / Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетова. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 904 с.
- Копия с письма, 1880** – Копия с письма Д. Бутлера // *Русский Архив*. 1880. № 1. С. 125.
- Коцебу, 1958** – *Коцебу А.И.* Сведения о джарских владениях. 1826 г. // История, география, этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.: Изд-во Восточная литература, 1958 (Далее – ИШЭД). С. 6–29.
- Кумыков, 1959** – *Кумыков Т.Х.* Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии (1800–1869). Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1959. 172 с.
- Кушева, 1963** – *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией Вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 372 с.
- Лаудаев, 1871** – *Лаудаев У.* Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1871. С. 1–62.
- Лобанов-Ростовский, 1846** – *Лобанов-Ростовский М.Б.* Кумыки, их нравы, обычаи и законы // Кавказ, 1846. №37.
- Лугуев, Магомедов, 1994** – *Лугуев С.А., Магомедов Д.М.* Бежтинцы (капучинцы, хъванал) в XIX – начале XX вв. Историко-экономическое исследование. Махачкала, 1994. 144 с.
- Магомедов, 1981** – *Магомедов Д.М.* Некоторые особенности социального развития союзов сельских общин Западного Дагестана в XV–XVIII вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XX в. Махачкала, 1981. С. 24–43.
- Магомедов, 2004** – *Магомедов Д.М.* Взаимоотношения горцев Дагестана с Грузией (проблема «лекианоба») // Вопросы истории Дагестана: Исследования по истории Дагестана (дооктябрьский период). Сб. статей. Махачкала: ИИАЭ, 2004. С. 39–52.
- Магомедов, 2005** – *Магомедов Д.М.* Грузинские авторы о социальном строе горцев Дагестана и об их взаимоотношениях с Грузией // Вопросы истории Дагестана: Сб. статей. Махачкала, 2005. С. 156–176.
- Магомедов, 1986** – *Магомедов Р.М.* О дагестано-грузинских связях // *Известия СКНЦ. Общественные науки*. Ростов н/Д, 1986. № 1(53). С. 37–43.
- Минорский, 1963** – *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 270 с.
- НА ИИАЭ** – НА ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60. Л. 287.
- Неверовский, 1848** – *Неверовский А.* Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848. 42 с.
- Новосельцев и др., 1972** – *Новосельцев А.П., Пашуто В.П., Черепнин В.Г.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Прибалтика). М.: Наука, 1972. 338 с.
- Олеарий, 1906** – *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.:Изд. А. С. Суворина, 1906. 582 с.
- Петрушевский, 1993** – *Петрушевский И.П.* Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX в. / Ред., вступ. статья, коммент. и примеч. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1993. 165 с.
- Полевой материал, собранный Б.Г. Алиевым** – Полевой материал, собранный Б.Г. Алиевым в 1962–1988 гг. в даргинских и аварских селах // НА ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375.
- Полевой материал, собранный Б.Г. Алиевым** – Полевой материал, собранный Б.Г. Алиевым в 1963 г. в даргинских и аварских селах // НА ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 375.
- Рабство в странах Востока..., 1986** – *Рабство в странах Востока в средние века*. М.: Наука, 1986. 502 с.

Рамазанов, 1961 – Рамазанов Х.Х. К вопросу о рабстве в Дагестане // Ученые записки Института истории, языка, литературы Даг. филиала АН СССР. Махачкала, 1961. Т. IX. С. 155–162.

РГАДА – РГАДА. Ф. КИД «Сношения России с Персией. 1722 г.» Д. 24.

Русско-дагестанские отношения, 1958 – Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.: Сб. док-тов / Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958. 336 с.

Секретная миссия в Черкесию, 1999 – Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. 483 с.

Стрейс, 1935 – Стрейс Я. Три путешествия. М.: ОГИЗ, 1935. 493 с.

Управление жителей Присулакского наибства – Управление жителей Присулакского наибства по их местным адатам // НА ИИАЭ. Д. 1321.

Фадеев, 1960 – Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960. 397 с.

Фроянов, 1965 – Фроянов И.Я. О рабстве в Киевской Руси // Вестник ЛУ. Т. 12. Вып. 1. 1965. С. 83–93.

Хасбулатов, 2001 – Хасбулатов А.И. Установление российской администрации в Чечне (II пол. XIX – нач. XX в.). М.: «Русь», 2001. 238 с.

Хрисанф, 1828 – Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве 1828 г. ИГЭД. С. 165–175.

Цагарели, 1897 – Цагарели А.А. Грамоты и другие исторические документы. XVIII столетия, относящиеся к Грузии с 1768–1774 гг. СПб., 1897. Т. 1. 518 с.

ЦГА РД – Центральный государственный архив Республики Дагестан (Далее ЦГА РД). Ф. 120. Оп. 2. Д. 71а. Л.1.

ЦГА РД – ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 71 «а», 72 «г».

ЦГА РД – ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 3. Л. 83; Д. 436. Л. 24; Д. 5 Л. 57; Д. 357. Л. 51; Д. 567. Л. 41; Д. 569. Л. 155.

ЦГИА РГ – ЦГИА РГ. Ф. 2. Канцелярия главного управляющего Закавказским краем (1801–1845 гг.). Оп. 1. Д. 398. Ед. хр. 768. С. 14.

References

Abdullaev, 2011 – Abdullaev M.A. (2011). Vol'nye obshchestva Dagestana i ih nabegi [Dagestan Free Societies and their Raids] // Nauka i obrazovanie v Chechenskoj respublike: sostoyanie i perspektivy razvitiya. Groznyj. pp. 501–505. [in Russian]

Agayan, 1956 – Agayan C.P. (1956). Krest'yanskaya reforma v Azerbajdzhane v 1870 godu [Peasant Reform in Azerbaijan in 1870]. Baku: Izd-vo AN Azerbajdzh. SSR. 403 p. [in Russian]

Aglarov, 1988 – Aglarov M.A. (1988). Sel'skaya obshchina v Nagornom Dagestana v XVII – nachale XIX v. (issledovanie vzaimootnoshenij form hozyajstva, social'nyh struktur i ehtnosa). [Rural Community in Mountainous Dagestan in the 17th - early 19th centuries (study of the relationship between forms of economy, social structures and ethnos)]. М.: Nauka. 237 p. [in Russian]

Adaty Dagestanskoj oblasti, 1899 – Adaty Dagestanskoj oblasti i Zakatal'skogo okruga: Sudoustrjostvo i sudoproizvodstvo v chastyah Kavkazskogo kraja voenno-narodnogo upravleniya. [Adats of the Dagestan Region and the Zagatal District: Court Organization and Legal Proceedings in the Units of the Caucasian Region of Military-Public Administration]. / Pod red. I.Ya. Sandrygajlo. Tiflis: tip. kancelarii glavnonach. gr. ch. na Kavkaze, 1899. 622 p. [in Russian]

Akbiev, 1998 – Akbiev A.S. (1998). Kумыки. Vtoraya polovina XVII – pervaya polovina XVIII veka. [The Kumyks. The second half of the 17th – the first half of the 18th centuries]. Mahachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo. 154 p. [in Russian]

Akbiev, 2000 – Akbiev A.S. (2000). Obshchestvennyj stroj kумыков: v XVII–XVIII vv. [The Social Structure of the Kumyks in the 17th – 18th centuries]. Mahachkala. 507 p. [in Russian]

Aliev, 1999 – Aliev B.G. (1999). Soyuzы sel'skih obshchin Dagestana v XVIII – pervoj polovine XIX v. (ehkonomika, zemel'nye i social'nye otnosheniya, struktura vlasti. [Unions of Rural Communities of Dagestan in the 18th - first half of the 19th centuries (economy, land and social relations, power structure)]. Mahachkala: IIAEH DNC RAN. 339 p. [in Russian]

Aliev B.G. – Aliev B.G. Krest'yanstvo Dagestana v XVIII – pervoj polovine XIX v. [Dagestan Peasantry in the 18th - first half of the 19th centuries]. Mahachkala: IIAEH DNC RAN, 2009. 414 p. [in Russian]

Aliiev, Murtazaev, 2008 – *Aliiev B.G., Muratazev A.O.* (2008). Federaciya soyuzov sel'skih obshchin Akusha-Dargo v XVII – pervoj polovine XIX v. Voprosy social'no-ehkonomicheskoy i politicheskoy istorii. [Federation of Unions of Akusha-Dargo Rural Communities in the 17th - first half of the 19th centuries. Problems of socio-economic and political history]. Mahachkala: Ehpoha. 400 p. [in Russian]

Al-Istahri, 1901 – *Al-Istahri.* (1901). Svedeniya arabskih pisatelej o Kavkaze Armenii i Azerbajdzhane. [Information of Arab writers on the Caucasus, Armenia and Azerbaijan]. I. Al-Istahrij. Per. N. Karaulova // Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza. Tiflis. T. XXIX. [in Russian]

Antologiya checheno-ingushskoj poehzii, 1981 – Antologiya checheno-ingushskoj poehzii. [Anthology of Chechen-Ingush poetry]. Groznyj: Checheno-ingushskoe knizhnoe izd-vo, 1981. 463 p. [in Russian]

Ataev, 1963 – *Ataev D.M.* (1963). Osnovnye itogi istoriko-arheologicheskogo izucheniya srednevekovoj Avarii [Main Results of Historical and Archaeological Study of Medieval] // Uchenye zapiski Instituta istorii, yazyka, literatury. Mahachkala. T. XI. pp. 186–199. [in Russian]

Ahlakov, 1968 – *Ahlakov A.A.* (1968). Geroiko-istoricheskie pesni avarcev. [Heroic and Historical Songs of the Avars]. Mahachkala. 225 p. [in Russian]

Ahmedov Sh.M. – *Ahmedov Sh.M.* Rabstvo v Dagestane [Slavery in Dagestan] // Nauchnyj arhi Instituta istorii, arheologii i ehtnografii (Dalee – NA IIAEH). F. 3. Op. 2. D. 287. [in Russian]

Bobrovnikov, 2000 – *Bobrovnikov V.* (2000)/ Abreki i gosudarstvo. Kul'tura nasiliya na Kavkaze [Abreks and the State. Culture of Violence in the Caucasus]. *Vestnik Evrazii (Acta Eurasica): Nezavisimyj ezhekvartal'nyj nauchnyj zhurnal* / Pod red. S.A. Panarina. M. 1(8). pp. 19–46. [in Russian].

Bronevskij, 1823 – *Bronevskij S.* (1823). Novejshie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze. [The Latest Geographic and Historic News about the Caucasus]. M. Ch. II. 485 p. [in Russian]

Vinogradov, Klychnikov, 2001 – *Vinogradov V.B., Klychnikov Yu.Yu.* (2001). K probleme kontrabandy i «plenoprodavstva» na Kavkaze v XIX v. [On Contraband and “Prisoner Trade” in the Caucasus in the 19th century]. *Voprosy severokavkazskoj istorii: Sb. nauchn. statej.* Armavir. Vyp. 6. Ch. 1. pp. 45–50. [in Russian]

Gadzhieva, 2000 – *Gadzhieva S.Sh.* (2000). Kумыki. Istoricheskoe proshloe. Kul'tura. Byt. [The Kumyks. History. Culture. Way of Life.]. Mahachkala. Kn. 1. 436 p. [in Russian]

Gasanov, 1991 – *Gasanov M.R.* (1991). Istoricheskie svyazi Dagestana i Gruzii. [Historical Relationship between Dagestan and Georgia.]. Mahachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo. 101 p. [in Russian]

Gerber, 1760 – *Gerber I.-G.* (1760). Izvestiya o nahodyashchihsya s zapadnoj storony Kaspijskogo morya mezhdou Astrahan'yu i rekoyu Kuroyu narodah i zemlyah i ob ih sostoyanii v 1728 g. [News of the Peoples and Lands in the West of the Caspian Sea between Astrakhan and the River Kura and of their State in 1728] // Sochineniya i perevody k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchie. SPb. 496 p. [in Russian]

Dalgat, 1972 – *Dalgat U.B.* (1972). Geroicheskij ehpos chechencev i ingushej. Issledovanie i teksty. [Heroic epic of the Chechens and Ingush. Research and Texts]. M.: Nauka. 470 p. [in Russian]

Daniyalov, 1970 – *Daniyalov G.D.* (1970). Klassovaya bor'ba v Dagestane vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Class Struggle in Dagestan in the second half of the 19th - early 20th centuries]. Mahachkala: DagFAN SSSR. 291 p. [in Russian]

Delo po povodu opredeleniya soslovnnyh prav – Delo po povodu opredeleniya soslovnnyh prav tuzemnogo naseleniya Terskoj i Kubanskoj oblasti [The Case Concerning the Determination of Estate Rights of Indigenous Population of the Terek and Kuban Regions] // NA IIAEH. F. 1. Op. 1. D. 1300. L. 153. [in Russian]

«Derbend-name» na yazykah narodov Dagestana – «Derbend-name» na yazykah narodov Dagestana: teksty i kommentarii [«Derbend-name» in the Dagestan languages: Texts and Comments] / [Pod obshchej red. G.M.-R. Orazaeva; sostavitel' D.M. Malamagomedov]. Mahachkala: Mavraev", 2012. 407 p. [in Russian]

Dibirova, 2008 – *Dibirova A.I.* (2008). Vzaimootnosheniya Dagestana i Gruzii v XVIII – nachale XIX veka. [Relations between Dagestan and Georgia in the 18th - early 19th centuries]. M. 195 p. [in Russian]

Dubrovin, 1871 – *Dubrovin N.* (1871). Istoriya vojny i vladychestva russkih na Kavkaze. [History of the War and Russian Rule in the Caucasus]. SPb.: Tip. Departamenta udelov. Kn. 1. T. 1. 656 p. [in Russian]

Karpov, 2007 – *Karpov Yu.Yu.* (2007). Vzglyad na gorcev. Vzglyad s gor: Mirovozzrencheskie aspekty kul'tury i social'nyj opyt gorcev Dagestana. [View of the Mountaineers. View from the Mountains: Worldview Aspects of Culture and Social Experience of Dagestan Mountaineers.]. SPb., Peterburgskoe vostokovedenie. 691 p. [in Russian]

Klychnikov, Cybul'nikova, 2011 – *Klychnikov Yu.Yu., Cybul'nikova A.A.* (2011). «Tak bujnuyu vol'nost' zakony tesnyat...»: Bor'ba rossijskoj gosudarstvennosti s hishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki). [«The laws press violent liberty...»: The Struggle of the Russian State against Rapaciousness in the North Caucasus (historical essays)]. Pyatigorsk–Armavir–Slavyansk na-Kubani: RIA-KMV. 255 p.: il., portr., tabl., cv. il. [in Russian]

Kovalevskij, 1890 – *Kovalevskij M.M.* (1890). Zakon i obyčaj na Kavkaze. [The Law and Custom in the Caucasus]. M.: Tip. A.I. Mamontova i Ko. T. 1. 303 p. [in Russian]

Kokiev, 2005 – *Kokiev G.A.* (2005). K istorii rabotorgovli na Severnom Kavkaze (istoricheskij nabrosok) [On the History of Slave Trade in the North Caucasus (historical sketch)] // Istoriya Kabardino-Balkarii v trudah G.A. Kokieva: Sb. statej i dokumentov / Vvyavlenie, arheografiya, sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya G.H. Mambetova. Nal'chik: EHI'-Fa. 904 p. [in Russian]

Kopiya s pis'ma, 1880 – Kopiya s pis'ma D. Butlera [*Copy of D. Butler's Letter*]. *Russkij Arhiv*. 1880. № 1. p. 125. [in Russian]

Kocebu, 1958 – *Kocebu A.I.* (1958). Svedeniya o dzharskih vladeniyah. 1826 g. [Information on Dzhar Possessions. 1826] // Istoriya, geografiya, etnografiya Dagestana XVIII–XIX vv. Arhivnye materialy / Pod red. M.O. Kosvena i H.-M. Hashaeva. M.: Izd-vo Vostochnaya literatura, 1958 (Dalee – ISHEHD). pp. 6–29. [in Russian]

Kumykov, 1959 – *Kumykov T.H.* (1959). Social'no-ehkonomicheskie otnosheniya i otmena krepostnogo prava v Kabarde i Balkarii (1800–1869). [Socio-economic Relations and Abolition of Serfdom in Kabarda and Balkaria (1800-1869)]. Nal'chik Kabard.-Balkar. kn. izd-vo. 172 p. [in Russian]

Kusheva, 1963 – *Kusheva E.N.* (1963). Narody Severnogo Kavkaza i ih svyazi s Rossiej Vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII v. [The Peoples of the North Caucasus and their Relations with Russia in the second half of the 16th century – 1630s]. M.: Izd-vo AN SSSR. 372 p. [in Russian]

Laudaev, 1871 – *Laudaev U.* (1871). Chechenskoe plemya [The Chechen Tribe] // Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah. Vyp. VI. Tiflis. pp. 1–62. [in Russian]

Lobanov-Rostovskij, 1846 – *Lobanov-Rostovskij M.B.* (1846). Kumyki, ih nrawy, obyčaj i zakony [The Kumyks, their Morals, Customs and Laws]. *Kavkaz*. № 37. [in Russian]

Luguev, Magomedov, 1994 – *Luguev S.A., Magomedov D.M.* (1994). Bezhtincy (kapuchincy, h'vanal) v XIX – nachale XX vv. Istoriko-ehkonomicheskoe issledovanie. [The Bezhta people (Kapuchi, Xvanal) in the 19th - early 20th centuries. Historical and Economic Research]. Mahachkala. 144 p. [in Russian]

Magomedov, 1981 – *Magomedov D.M.* (1981). Nekotorye osobennosti social'nogo razvitiya soyuzov sel'skih obshchin Zapadnogo Dagestana v XV–XVIII vv. [Some Peculiarities of Social Development of the Unions of Rural Communities in Western Dagestan in the 15th – 18th centuries] // Social Structure of the Unions of Rural Communities of Dagestan in the 18th – early 20th centuries] // Obshchestvennyj stroj soyuzov sel'skih obshchin Dagestana v XVIII – nach. XX v. Mahachkala. pp. 24–43. [in Russian]

Magomedov, 2004 – *Magomedov D.M.* (2004). Vzaimootnosheniya gorcev Dagestana s Gruziej (problema «lekianoba») // Voprosy istorii Dagestana: Issledovaniya po istorii Dagestana (dooktyabr'skij period). Sb. statej. Mahachkala: IIAE. pp. 39–52. [in Russian]

Magomedov, 2005 – *Magomedov D.M.* (2005). Gruzinskie avtory o social'nom stroe gorcev Dagestana i ob ih vzaimootnosheniyah s Gruziej [Georgian authors about the social system of the highlanders of Daghestan and of their relations with Georgia]. *Voprosy istorii Dagestana*: Sb. statej. Mahachkala. pp. 156–176. [in Russian]

- Magomedov, 1986** – *Magomedov R.M.* (1986). O dagestano-gruzinskih svyazyah [On the Dagestan-Georgian Relations]. *Izvestiya SKNC. Obshchestvennye nauki*. Rostov n/D. № 1(53). pp. 37–43. [in Russian]
- Minorskij, 1963** – *Minorskij V.F.* (1963). Istoriya SHirvana i Derbenda. [History of Shirvan and Derbend.]. M.: Izdatel'stvo vostochnoj literatury. 270 p. [in Russian]
- NA IIAEH** – [Manuscript Collection of the Institute of HAE]. F. 1. Op. 1. D. 60. L. 287. [in Russian]
- Neverovskij, 1848** – *Neverovskij A.* (1848). Kratkij istoricheskij vzglyad na Severnyj i Srednij Dagestan do unichtozheniya vliyaniya lezginov na Zakavkaz'e. [A Brief Historical View of the Northern and Middle Dagestan before the Elimination of the Lezgins' influence in Transcaucasia]. SPb. 42 p. [in Russian]
- Novosel'cev i dr., 1972** – *Novosel'cev A.P., Pashuto V.P., Cherepnin V.G.* (1972). Puti razvitiya feodalizma (Zakavkaz'e, Srednyaya Aziya, Pribaltika). [Paths of Development of Feudalism (Transcaucasia, Central Asia, the Baltics).]. M.: Nauka. 338 p. [in Russian]
- Olearij, 1906** – *Olearij A.* (1906). Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno. [Description of the Journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and back]. SPb.: Izd. A. S. Suvorina. 582 p. [in Russian]
- Petrushevskij, 1993** – *Petrushevskij I.P.* (1993). Dzharo-Belokanskije vol'nye obshchestva v pervoj polovine XIX v. [Dzhar-Belokany Free Societies in the first half of the 19th century] / Red., vstup. stat'ya, komment. i primech. V.G. Gadzhieva. Mahachkala. 165 p. [in Russian]
- Polevoj material, sobrannyj B.G. Alievym** – Polevoj material, sobrannyj B.G. Alievym v 1962–1988 gg. v darginskih i avarskih selah [*Field Material Collected by B.G. Aliev in Dargin and Avar Villages in 1962-1988*] // NA IIAEH. F. 1. Op. 1. D. 375. [in Russian]
- Polevoj material, sobrannyj B.G. Alievym** – Polevoj material, sobrannyj B.G. Alievym v 1963 g. v darginskih i avarskih selah [*Field Material Collected by B.G. Aliev in Dargin and Avar Villages in 1963*] // NA IIAEH. F. 1. Op. 1. D. 375. [in Russian]
- Rabstvo v stranah Vostoka .., 1986** – Rabstvo v stranah Vostoka v srednie veka. [*Slavery in Oriental Countries in the Middle Ages*]. M.: Nauka, 1986. 502 p. [in Russian]
- Ramazanov, 1961** – *Ramazanov H.H.* (1961). K voprosu o rabstve v Dagestane [On Slavery in Dagestan] // Uchenye zapiski Instituta istorii, yazyka, literatury Dag. filiala AN SSSR. Mahachkala. T. IX. pp. 155–162. [in Russian]
- RGADA** – RGADA. F. KID «Snosheniya Rossii s Persiej. 1722 g.» [*Relations of Russia and Persia. 1722*]. D. 24. [in Russian]
- Russko-dagestanskije otnosheniya, 1958** – Russko-dagestanskije otnosheniya XVII – pervoj chetverti XVIII v.: Sb. dok-ov [*Russian-Dagestan Relations in the 17th - early 18th centuries: Collection of Documents*] / Sost. R.G. Marshaev. Mahachkala, 1958. 336 p. [in Russian]
- Sekretnaya missiya v Cherkesiyu, 1999** – Sekretnaya missiya v Cherkesiyu russkogo razvedchika barona F.F. Tornau. [*Russian Intelligence Officer, Baron F.F. Tornau's Secret Mission to Cherkessia*]. Nal'chik, 1999. 483 p. [in Russian]
- Strejs, 1935** – *Strejs Ya.* (1935). Tri puteshestviya. [Three Trips]. M.: OGIZ. 493 p. [in Russian]
- Upravlenie zhitelej Prisulakskogo naibstva** – Upravlenie zhitelej Prisulakskogo naibstva po ih mestnym adatam [*Administration of the Population of the Sulak Naibstvo according to their Local Adats*] // NA IIAEH. D. 1321. [in Russian]
- Fadeev, 1960** – *Fadeev A.V.* (1960). Rossiya i Kavkaz v pervoj treti XIX v. [Russia and the Caucasus in the first third of the 19th century]. M. 397 p. [in Russian]
- Froyanov, 1965** – *Froyanov I.Ya.* (1965). O rabstve v Kievskoj Rusi [On Slavery in Kievan Rus] // Vestnik LU. T. 12. Vyp. 1. pp. 83–93. [in Russian]
- Hasbulatov, 2001** – *Hasbulatov A.I.* (2001). Ustanovlenie rossijskoj administracii v Chechne (II pol. XIX – nach. XX v.). [The establishment of the Russian administration in Chechnya (the second half. XIX – beg. of XX century).] M.: «Rus'». 238 p. [in Russian]
- Hrisanf, 1828** – *Hrisanf.* Svedeniya ob Avarskom hanstve 1828 g. [Information about Avar khanate 1829] // IGEHD. pp. 165–175. [in Russian]
- Cagareli, 1897** – *Cagareli A.A.* (1897). Gramoty i drugie istoricheskie dokumenty. XVIII stoletiya, odnosyashchiesya k Gruzii S 1768–1774 gg. [Certificates and Other Historical Documents of the 18th century relating to Georgia (1768-1774).]. SPb. T. 1. 518 p. [in Russian]

CGA RD – Central'nyj gosudarstvennyj arhi Respubliki Dagestan [*Central State Archive of the Dagestan Republic (hereinafter CSADR)*] F.120. Op. 2. D. 71a. L.1. [in Russian]

CGA RD – *CGA RD*. [CSADR]. F. 126. Op. 2. D. 71 «a», 72 «g». [in Russian]

CGA RD – *CGA RD*. [CSADR]. F. 379. Op. 1. D. 3. L. 83; D. 436. L. 24; D. 5 L. 57; D. 357. L. 51; D. 567. L. 41; D. 569. L. 155. [in Russian]

CGIA RG – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Gruziya [*Central state archive of the Republic of Georgia*]. F. 2. Kancelyariya glavnogo upravlyayushchego Zakavkazskim kraem (1801–1845 gg.). Op. 1. D. 398. Ed. hr. 768. p. 14. [in Russian]

Формы порабощения и источники рабства в феодальном Дагестане

Елена Ивановна Иноземцева ^{a, *}

^a Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Российская Федерация

Аннотация. Автор, опираясь на данные литературных и архивных источников, памятники обычного права народов Дагестана, актовые материалы, а также на результаты полевых экспедиционных исследований, учитывая достижения в изучении проблемы как кавказоведов нового, так и новейшего времени, широко используя сравнительные аналогии сходных форм зависимости у сопредельных народов Северного Кавказа, не претендуя на исчерпывающее освещение вопроса, делает сравнительно-исторический анализ основных форм порабощения и источников рабства, бытовавших в позднесредневековом Дагестане, приводит различные мнения и суждения, существующие в кавказоведении по поводу причин и специфики экспансии горских обществ Дагестана и Грузии на сопредельные территории

Ключевые слова: Северный Кавказ, Дагестан, Грузия, Иран, Турция, позднее Средневековье, лекианоба, аппарикоба, меконроба, экспансия горских обществ, раб, ясыр, пленник, кабальный раб, уголовный раб, «домородные (природные) холопья», домашний раб (кул-чагар).

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ljuma78@mail.ru (Е.И. Иноземцева)